

Виктория Левина **г. Ришон ле-Цион, Израиль**

Девочки, молящиеся тихо...

Девочки из Латвии-Литвы,
девочки, молящиеся тихо...
Сто карат балтийской синевы
в их глазах. И стопудово лихо,

что несло местечковый погром
бабушек и дедушек далёких,
чьи черты опущенным углом
века проступают волооко...

Девочки, прильнувшие к окну
самолётной выверенной дали,
книг впитавши стаю не одну
от своих наследственных скрижалей...

Да, на Брайтон, да, в молельный дом,
отпуск в праздник выпросив несмело,
свитерок в рюкзак воткнув с трудом,
стая златокудрых полетела!

Иерусалима и Москвы –
запах мяты, вишни, облепихи,
девочки из Латвии-Литвы,
девочки, молящиеся тихо...

Я пела в юности под арками, я пела!
Я пела музыку, которая летела

от дальних отсветов судьбы, души касаясь, –
такую маленькой сама себе казалась...

Я пела в юности Всенощной силы бденье,
за всю непрожитую жизнь прося прощенье,

за все дороги, что взовьются серпантинном,
за все разлуки, что с тревогами едины.

Я пела музыки рахманиновской звуки,
ещё не зная, как повиснут в горе руки,

когда покинут меня близкие-родные,
взвалив на плечи мне все тяготы земные...

Познала горечи измен и расставаний
и вкус внезапных перемен и расстояний!

Я пела в юности под сводами, не зная,
что заключалась в этих звуках жизнь земная.

Любовь, как птицу, приручила...

Любовь, как птицу, приручила –
она клюёт с моей руки.
Слова «родной», «любимый», «милый»
слетают с губ моих, легки...

Касанья тихие к запястью
я в ранг любви перевожу
и, погружаясь в омут счастья,
люблю, парю, живу, дышу!

И вслух – не нужно, ведь словами
не удаётся передать,
когда колышется меж нами
её роскошной тени стать!

Пьяна вином её и силой!
И шепчут губы-лепестки:
«Любовь, как птицу, приручила –
она клюёт с моей руки».

